

К социологии протеста: вопросы теории и методологии общественного расследования разгона шествия 1 мая 2019 года в Санкт-Петербурге

В статье рассматриваются вопросы теории и методологии общественного расследования разгона шествия 1 мая 2019 года в Санкт-Петербурге и материалы социологического исследования ситуаций разгона, проведенного в рамках расследования. Представлены методология наблюдающего участия и методы полевого исследования: интервью, фокус-группа, наблюдение, анализ документов, выводы расследования, теоретические предположения и эмпирические результаты исследования. Разгон шествия описывается в целом как событие в контексте «поле политики», социально-

го пространства взаимодействия акторов поля. Обсуждаются тенденции социального и политического протеста, взаимодействия протестных движений и властных институтов.

Ключевые слова: социология протеста, недовольство, несогласие, протестное действие, событие, ситуации, эпизоды протеста, конфликты протестных групп и институтов власти, событийный и ситуационный анализ, общественное расследование.

Владимир Костюшев

к. философ. н., независимый исследователь

В социологии общественных движений в разных культурах изучаются политический контекст и социокультурные рамки возникновения и развития движений, структура политических возможностей, мобилизация ресурсов, репертуар коллективных действий, относительная депривация участников, биографические траектории гражданских активистов и многие другие темы (Здравомыслова, 1993, 1998, DellaPorta, Diani, 1999). Специальным предметом исследований выступает социальный и политический протест: эмоциональное недовольство, интеллектуальное несогласие и протестные действия по отношению к действиям политиков, институтов власти и/или политического режима (Костюшев, 2007, 2011). Изучаются также отдельные «события» — выделяемые исследователями некоторые публичные социальные процессы, сводимые к действиям и взаимодействиям акторов поля, значимые для движения и оказывающие влияние на другие процессы, на состояние общества в целом. События, получившие мощный общественный резонанс, становятся иногда предметом общественных расследований и социологических исследований. Теоретические вопросы понимания событий рассматриваются в социологических концепциях (Филиппов, 2004), в социально-философских исследованиях «философии поступка» (Тулчинский, 2019).

Ярким примером монографического исследования события в социологии является, например, исследовательский проект «Freedom Summer» Д. Макадама, в котором коллективное протестное действие — акция протеста 1964 года в Миссисипи, получившая название «Лето свободы», завершившаяся принятием Конгрессом США в 1965 году Закона об избирательных правах (Voting Rights Act) — тщательно анализировалось автором в течение многих лет, и прежде всего изучались «жизненные пути» участников акции (Macadam, 1988). Известны многие другие исследования «событий» в социологии протеста, от историко-социологических исследований европейских и американских протестов конца 1960-х (Курлански, 2008) до описания граждан-

ского сопротивления ГКЧП в СССР в августе 1991, протестных действий шахтеров в Воркуте (Ильин, 1998), забастовок рабочих во Всеволожске (Клеман и др., 2010), «Марша миллионов», «Марша мира», действий активистов в чрезвычайной ситуации в Крымске (Костюшев, 2012). В качестве события исследователями принимаются как кратковременные действия, так и долговременные процессуальные «события» — серии коллективных действий — создания и функционирования политической организации — например, создание и функционирование Ленинградского народного фронта (Корнев, 1992), избирательной кампании (Гельман, 1992), вооруженного противостояния ветвей власти, как в Москве в 1993 году, другие длительные процессуальные «события».

Общественное расследование и социологическое исследование

В 2019 году событием политической жизни, получившим мощный общественный резонанс, стал полицейский разгон шествия 1 мая 2019 года в Санкт-Петербурге. Беспрецедентным стало и общественное расследование разгона шествия. Идея расследования была высказана автором 3 мая в социальных сетях после знакомства с видеозаписями событий 1 мая и после заявления (1 мая) и отчета Уполномоченного по правам человека в СПб (2 мая), в которых событие квалифицировалось как «разгон» шествия. Идея общественного расследования была поддержана Уполномоченным по правам человека и Правозащитным советом СПб, создавшим специальную комиссию по расследованию, в которую вошли правозащитники, адвокаты, исследователи¹. Основой для расследования стало социологическое исследование события и ситуаций разгона шествия, проведенное автором. При проведении расследования во внимание принимался другой подобный опыт общественного расследования в современной России — доклад комиссии «Круглый стол 12 декабря» о событиях на Болотной площади в Москве в 2012 году (Доклад, 2013), где акцентировались правовые обстоя-

¹ Доклад по общественному расследованию готовился инициативной группой гражданских активистов - адвокатов, правозащитников и исследователей - социологов, психологов, юристов, участвовавших в публичных обсуждениях материалов расследования, авторами доклада выступили Т. Дорутина, В. Залеский, Н. Евдокимова, В. Костюшев (рук. проекта, отв. редактор доклада), Л. Крикун, Е. Литвинова, М. Макаревич, А. Толмачев. Важны интервью участников шествия, ставших фактическими соавторами доклада.

тельства, нормы международного и отечественного права для понимания события; в нашем расследовании, при полной солидарности с выводами расследования событий на Болотной, основное внимание было обращено на действия и взаимодействия граждан с представителями власти при разгоне шествия 1 мая 2019 года в СПб.

Заметим, что метафора «разгона» в русском политическом лексиконе имеет исторические традиции и правовые коннотации, связанные с «прекращением» правоохранительными органами публичного мероприятия с применением силы. Словарь синонимов русского языка «разгон» связывает с «распугиванием», «рассеиванием», «ликвидацией» и другими терминами, и одним из самых распространенных словоупотреблений является, по толковому словарю Ушакова, «разгон демонстрантов полицейскими». Теме рациональности метафор, заметим, посвящены специальные исследования (Гудков, 1994).

Важно различие «общественного расследования» как публичного гражданского анализа политических, административных и правовых обстоятельств и причин конкретного события (разгона шествия) и «социологического исследования» как профессионального описания и анализа события, проводимого в рамках теоретических концепций, методологии и методов сбора и анализа информации, представленных в современной социологии. Социологический подход к пониманию данного события и выделяемых в нем «ситуаций события» — действий и взаимодействия горожан и гражданских активистов, участников шествия 1 мая с представителями властных институтов — стал методологической основой общественного расследования. Различие «общественного расследования» некоторой аномалии в общественной жизни — следственно-журналистского и др., и «социологического исследования» — профессионального анализа события в социологической науке — одна из тем книги Л. Болтянски (Болтянски, 2019).

«Расследование» и «исследование» различаются задачами и предметом изучения: в расследовании задачей ставится «раскрытие» причин и обстоятельств аномального события, ставшее предметом общественного внимания, а предметом сама аномалия; в «исследовании» ставятся исследовательские — сциентистские — задачи, связанные с пониманием закономерностей возникновения и динамики события, его «опознавания» в рамках научной дисциплины. Методы «расследования» и «исследования» оказываются близки и включают корпус известных исследователям методов и техник сбора и анализа информации: от наблюдения до статистической работы с массивами информации.

Разгон шествия 1 мая 2019 года в Санкт-Петербурге: описание аномалии

Понимание «аномалии» в социальной и политической жизни также важно. Именно «аномалии» — необычные, выходящие за пределы сложившегося в обществе привычного понимания и нарушающие привычное понимание «события» — становятся предметом публичного обсуждения, привлекают внимание средств массовой информации и общественности и становятся предметом специальных общественных расследований.

Политическая история России переполнена подобными аномалиями: силовыми разгонами шествий и вооруженными столкновениями. Разогнана была первая политическая демонстрация у Казанского собора в 1876 году, Первомайские дни 1901 года в Петербурге

завершились столкновением рабочих с войсками («Обуховская оборона»), расстреляны участники шествия в январе 1905 года («Кровавое воскресенье»). Предметом расследования в царской России были погром в Белостоке (1906) и «Ленский расстрел» (1912). Демонстрации в июле 1917 завершились расстрелами участников шествий.

И в новейшей политической истории уже немало трагических событий, связанных с разгонами шествий и противостоянием политических сил. Драматичны столкновения людей и армии во время попытки путча в августе 1991 года, разгон одной из колонн шествия 1 мая в Москве в 1993 году, расстрел Белого дома в октябре 1993 года сопровождался стрельбой и гибелью сотен людей. Жестокими были избиения участников митинга — уже после его завершения — в Петербурге 15 апреля 2007 года. Разгон шествия 1 мая 2019 года также стал в этом ряду драматичным событием, требующим специального изучения и общественного расследования. В современной российской политической истории аномалий — отклонений от привычных для общественного сознания и общественных состояний — столь много, что можно говорить об инерционной аномальной среде, о долгой серии аномалий в политической жизни страны. На этом фоне выделяются явления, нарушающие даже этот привычный аномальный контекст и которые можно назвать «двойной аномалией» — настолько они выходят за пределы привычного контекста. К таким «аномалиям в квадрате» можно отнести и разгон шествия 1 мая 2019 года.

Предмет общественного расследования — разгон Первомайского шествия, согласованного с городскими властями публичного мероприятия в Санкт-Петербурге. Именно разгон шествия 1 мая, а не само шествие — определяется в расследовании как «событие» и как предмет расследования. Многие обстоятельства и детали силового разгона подробно описаны журналистами (Карпенко, 2019) и аналитиками Уполномоченного по правам человека в СПб сразу после события (Отчет, 2019). Но многие вопросы — и, прежде всего, вопрос о причинах разгона — требуют всестороннего профессионального изучения.

Итак, во время шествия по центральным улицам города (Лиговский и Невский пр.) полицией был проведен силовой разгон одной из колонн. В отчете Уполномоченного по правам человека в СПб о наблюдении за шествием 2 мая 2019 г. событие было подробно описано: от ситуации согласования шествия до его разгона. Тщательно описаны многие детали события: «1 мая в 10.30 в месте сбора участников шествий на Лиговском проспекте находились представители полиции, Росгвардии, члены Народной дружины Санкт-Петербурга. Наблюдатели отметили присутствие необычно большого (для согласованного публичного мероприятия) количества сотрудников и транспортных средств правоохранительных органов, уборочной техники. Проход осуществлялся через рамки металлоискателей после досмотра вещей и средств наглядной агитации. Отдельные плакаты и баннеры с критикой власти, некоторые флаги (в т.ч. с символикой движения «Другая Россия») изымались под предлогом несоответствия заявленным организаторами шествия целям, а граждане, отказывающиеся их отдать, не допускались к участию в публичных мероприятиях». (Там же). Шествия первых колонн, а также последовавшие за ними митинги на Дворцовой и Исаакиевской площадях с участием врио губернатора СПб А.Д. Беглова, состоялись без нарушений общественного порядка.

«Начало шествия третьей колонны, объединившей представителей партий «Яблоко», «Справедливая Россия», «Партия Роста», движения «Наблюдатели Петербурга», разных общественных организаций, градозащитников и гражданских активистов под лозунгом «За свободные и честные выборы», было задержано на полчаса [на 40 мин., как выяснилось в последующем. — В.К.]. Сотрудники полиции ссылались на задержку движения другими колоннами. Во время ожидания граждане начали разворачивать средства наглядной агитации, в т.ч. баннеры и плакаты следующего содержания: «Петербург — справедливые выборы!», «Наш город — нам решать!», «Сменяемость власти!», «Выборы Губернатора 2019. Будьте реалистами — требуйте невозможного!», «Попробуем без фальсификаций!», «Нет! Свободный Интернет!», «Молчать хватит бояться!», «Хочу жить в России будущего, а не в России сказочного...», «Платон — это повышение цен и грабеж народа!», «Сохраним Пулковскую обсерваторию!» и др. Скандировались лозунги: «Это наш город!», «Россия будет свободной!». Сотрудники полиции предупредили собравшихся, что шествие еще не началось, и они могут быть задержаны за участие в несогласованном митинге. После чего группы граждан начали скандировать стоявшим впереди шеренгам ОМОНа: «Пропускай», «Прогресс не остановить!», «Мы хотим идти!». (Там же).

В 12.10 было санкционировано движение колонны и одновременно начались выборочные задержания ее участников, при этом «количество представителей правоохранительных органов, сопровождавших колонну, значительно превышало число сотрудников полиции и Росгвардии, задействованных во время проведения двух первых шествий. Наблюдение показало, что колонну «Единой России» военнослужащие Росгвардии в шлемах и защитном обмундировании не сопровождали, рядом с колонной коммунистов следовали не более 15 сотрудников ОМОНа. И только колонна объединенных демократов с самого начала шествия фактически находилась под конвоем» (Там же).

«Задержания проводились с применением силы, без предупреждения, не были вызваны нарушением общественного порядка. Так, одними из первых были задержаны барабанщик, несколько человек с карикатурой и плакатами (содержание которых изначально не вызвало вопросов у сотрудников полиции, осуществлявших досмотр при проходе на публичное мероприятие, и представителей КВЗПБ), а также два представителя СМИ. Во время задержаний участники шествия скандировали: «Свободу узникам Первого мая!», «Отпускай!», «Полиция с народом!», «Долой полицейское государство!» и др. Основная часть колонны остановилась на пересечении Невского проспекта и улицы Марата с требованием прекратить немотивированные задержания и отпустить задержанных участников мирного шествия. Организаторы попытались договориться с представителями КВЗПБ [Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности — В.К.] и правоохранительных органов об освобождении задержанных и продолжении шествия, однако для некоторых делегатов переговоры закончилось силовым задержанием. Среди грубо и неоправданно жестко задержанных организаторов шествия были депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Максим Резник, которого вскоре отпустили из автобуса полиции, и один из координаторов проекта «Объединенные демократы» Александр Шуршев, доставленный впоследствии для оказания медицинской помощи в Александров-

скую больницу. (...) В 13.20 участники колонны были взяты в кольцо сотрудниками Росгвардии и вытеснены с проезжей части. Задержано несколько десятков человек, попавших в оцепление. У одной участницы шествия после задержания диагностирован перелом ключицы. На Невский проспект выехал спецтранспорт полиции, после чего по нему оперативно было возобновлено автомобильное движение. Таким образом, согласованное мирное шествие, в котором по разным оценкам участвовали от полутора до двух тысяч человек, фактически было разогнано» (Отчет, 2019).

Уже вечером 1 мая 2019 года Уполномоченный по правам человека сделал официальное заявление: «Сегодня в Санкт-Петербурге впервые было сорвано проведение согласованного первомайского шествия представителей различных общественных объединений. Перед началом публичного мероприятия под предлогом якобы несоответствия его целям изымались отдельные плакаты, лозунги и флаги, а участники, не соглашавшиеся их отдать, не пропускались на шествие. В ходе мирного шествия были произведены задержания его участников. Несколько человек при задержании получили травмы. Среди задержанных были журналисты, депутат Законодательного Собрания. По многочисленным свидетельствам, задержания с применением силы проводились безосновательно и без предупреждения, не были вызваны нарушением общественного порядка или невыполнением законных требований сотрудников полиции. В результате согласованное первомайское шествие фактически было разогнано. Расцениваю беспрецедентный разгон согласованного первомайского шествия и жесткие задержания его участников как грубое нарушение прав человека, гарантированных Конституцией России» (Заявление, 2019). Заявление поддержал Совет при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Эти наблюдения были обобщены 22 мая 2019 года в докладе Уполномоченного по правам человека в Законодательном собрании Санкт-Петербурга: «Повод для сегодняшнего моего выступления, к сожалению, беспрецедентный — 1 мая, в день весны и труда, солидарности и мира в Санкт-Петербурге в ходе согласованного шествия произошло грубое и массовое нарушение конституционного права на свободу мирных собраний — фундаментального права, которое лежит в основе Конституции России, в основе любого правового демократического государства. (...) Напомню, шествие было разделено на три колонны, и участники первых двух колонн свое право на свободу собраний смогли реализовать без проблем. А участники 3-й колонны столкнулись с проблемами с самого начала — это очередь на досмотр личных вещей и средств наглядной агитации при проходе на место сбора. (...) Особую озабоченность вызывают задержания участников, которые в ряде случаев проводились с применением силы безосновательно и без предупреждения, не были вызваны нарушением общественного порядка. (...) Несколько человек получили травмы при задержании». В завершение доклада Уполномоченный по правам человека констатировал «фактический разгон согласованного первомайского шествия». Специальное внимание было обращено на юридическое «изобретение» чиновников администрации, ставшее для полиции основанием задержаний участников шествия и для судебных инстанций последующих судебных решений — «несогласованный митинг внутри согласованного шествия»: «Если согласиться с правомочностью такой юридической конструкции, то окажется, что при оста-

новке любого согласованного шествия (а такие останки неизбежны) все его участники, продолжающие скандировать лозунги или держать в руках плакаты, проводят несогласованный митинг, а значит, могут быть задержаны и привлечены к административной ответственности» (Доклад, 2019).

Без правовых оснований были задержаны и доставлены в отделы полиции несколько десятков человек — гражданских активистов и участников шествия: по данным ГУВД — 58 чел., по сведениям общественной организации ОВД-Инфо — 69 чел. На задержанных в отделах полиции были составлены протоколы о задержании и административных правонарушениях, более 50 человек были привлечены к ответственности в судебном порядке. Многим назначено наказание в виде штрафа до 20 тыс. руб. или привлечения к общественным работам, два организатора шествия решением суда арестованы на 10 суток.

«Поле политики»: недовольство, несогласие, протестное действие

Понимание события как «разгона шествия» сложилось у аналитиков в день 1 мая и имело достаточные основания. Но многие обстоятельства события оставались неясными. Важные вопросы — в дополнение к приведенным описаниям — были поставлены в общественном расследовании: о признаках различия митинга и шествия, о правомерности трактовки задержки колонны как «прекращения» шествия, о причинах задержки колонны в нарушение согласованного регламента, о трактовке задержки колонны по вине полиции как начале «несогласованного» митинга, об ответственности за задержку шествия и в целом за разгон колонны согласованного шествия, о правовых основаниях задержаний полицией участников согласованного шествия. Эти и другие конкретные вопросы требовали специального изучения. Важными были и темы собственно социологического исследования, его теоретические основания и методология.

В опубликованном докладе по результатам общественного расследования (Костюшев, 2019) теоретические основания расследования — социологические и политологические — были обозначены предельно кратко и подробно не описывались в связи с задачами и стилистикой доклада как публичного гражданского действия. Вопросы теории и социологической методологии расследования — и социологического исследования, ставшего основой общественного расследования — представлены в настоящей статье.

Отметим базовые понятия, составившие теоретические основы расследования. Общая схема описания и анализа события представлена известной моделью взаимодействия и конфликтов «государства» и «общества», государственных институтов и общественности, в рамках которой концепт «политики» принимается в трех измерениях: 1) политического устройства (организации власти); 2) политического управления (реализации власти); 3) политической конкуренции (борьбы за власть). В дополнение к данной модели основанием расследования является методология «поля политики» с пониманием «политики» как социокультурного феномена власти, где производство политики сопряжено с экономическим и культурным производством (Бурдье, 2007). Если модель «государство — общество» предполагает «вертикальное» измерение властных отношений, то модель «поля политики» акцентирует внимание на «горизонтальном» измерении властных взаимодействий — кооперативных и конкурентных, с

конвертацией социальных и культурных капиталов «агентов»/актеров поля политики. Модель «поля политики» обладает хорошими описательными и объяснительными возможностями для понимания процессов взаимодействия и конфликтов общественности и власти на региональном уровне. В рамках данной модели проводилось, например, изучение функциональности института омбудсмена в региональном поле политики: важным является понимание «напряженности» поля, включающей эмотивную, когнитивную и конативную компоненты напряженности. Рассматривались состояния недовольства, несогласия и протестного действия — эмотивные, когнитивные и конативные «практики» акторов — и сопряженные с ними «напряженности» поля политики (Костюшев 2007, 2011).

Признаки эмотивной напряженности фиксируют состояния и практики эмоциональной тревожности, морального и социального «недовольства», интерпретируемых в социологии как «потенциал протеста». Признаки когнитивной напряженности отражают состояния и практики интеллектуального «несогласия», артикулируемого и конструируемого в инструментальных требованиях протестных групп и идеологических дискурсах, интерпретируемого в социологическом понимании как «дискурс протеста». Признаки конативной напряженности характеризуют практики публичного действия, описываемого в социологии протеста как репертуар коллективных действий, «репертуар протеста». Важной в рамках данного подхода является метафора «триады протеста», выражаемой верифицируемыми категориями: (1) «потенциал протеста» (состояние и практики эмоционального недовольства: эмотивная компонента); (2) «дискурс протеста» (состояние и практики интеллектуального несогласия: когнитивная компонента); (3) «репертуар протеста» (состояние и практики коллективного действия: конативная компонента). Предполагается, что эмотивная, когнитивная и конативная напряженности сопряжены с состояниями «триады протеста» и определяют общую напряженность поля политики.

В теоретическом отношении важны, как сопряженность, так и рассогласованность потенциала, репертуара и дискурса протеста. Состояния данных сегментов поля политики формируются в социальном пространстве поля политики как саморазвивающиеся величины. Также предполагается существенная рассогласованность состояний недовольства (потенциала протеста), несогласия (дискурса протеста) и протестного действия (репертуара протеста). Интегральная напряженность поля политики в базовых характеристиках (недовольство, несогласие, действие) определяется значимостью акторов поля как «авторов» практик, переживающих состояния эмоционального и морального недовольства, артикулирующих интеллектуальное и идеологическое несогласие, заявляющих протест в многообразном репертуаре практик социального протеста.

Важным является социологическое понимание «события», интерпретация его внутренней структуры в рамках триады «событие — ситуации — эпизоды»: в «событиях» выделяются сопряженные «ситуации», в каждой из которых рассматривается композиция конкретных «эпизодов». Данная схема морфологии события стала основой для социологического полевого исследования разгона шествия 1 мая. Методологическая схема сводилась к пониманию сопряженности конструкторов «поля политики» — «акторы поля» — «взаимо/действия акторов», проводимом на уровнях политического контекста события, выделяемых ситуаций и

эпизодов. Модель задавала параметры методического описания (темы интервью, фокус-группы, анализа документов, видеоматериалов) и интерпретации события. Теоретическая схема предполагала также использование различных методов и техник сбора и анализа информации — наблюдение и интервью, фокус-группа и анализ видеоматериалов — от монографического анализа события до описания отдельного «эпизода»/«случая» — с задачей многомерного описания политического события в целом.

Важна была также фиксация влияния расследования и исследования — через презентации в социальных сетях и СМИ, на публичных слушаниях данных расследования — на мнение общественности, на практики политических решений и правоприменения, в частности, в судебных процессах. В целом в исследовательском проекте реализовалась методология наблюдающего участия (Алексеев, 1993), изучалась возможность влияния результатов на повышение эффективности взаимодействия общественности с властными институтами.

Методология: событийный и ситуационный анализ

Событийный анализ (event-analysis) представлен в научной литературе европейскими исследованиями в методологии protestdata (база данных акций протеста — «Prodat» — организована в Германии с 1949 года (Opp, 1988 и др.), в изучении динамических рядов протеста в американской исторической социологии (Тилли, 2008), подобный опыт представлен также в отечественных исследованиях протеста: «Репертуар социального протеста в Санкт-Петербурге», СИ РАН, 1989-1998 (Костюшев, Горьковенко, 1999), исследования Лаборатории публичной социологии (Ерпылева, Магун, 2014). Но надо признать, что отечественные социологи редко обращаются к методологии событийного анализа, в российской социологии она недостаточно разработана (Семенов, 2018). При этом в научной литературе представлено и понимание «события» как понятия и предмета теоретической социологии в рамках теории социального события (Филиппов, 2004).

Термин «событийный анализ» используется для описания и анализа динамических рядов «репертуара протеста» — хронологической «цепочки» конкретных «событий» — общественных и политических действий/взаимодействий участников и активистов общественных движений и представителей властных институтов. Специально рассматривается, например, серия протестных акций по конкретному поводу в хронологической последовательности за определенный период — кратковременных или продолжительных, измержаемых столетиями (Тилли, 2000). Понятие «репертуар протеста» при этом обозначает многообразие практик протеста: от конвенциональных, проводимых в соответствии с законодательством и культурной нормой (жалобы, петиции, публичные заявления, митинги, марши, шествия и др.) до неконвенциональных, нарушающих закон и культурные конвенции (захваты зданий, перекрытие трасс и др.).

Трехкомпонентная модель («триада») протеста включает в себя репертуар протеста: конативная компонента представлена в репертуаре как устойчивая совокупность протестных практик по отношению к властным институтам — политическому режиму, политическому институту, проводимой политике, политическому решению, политическому лидеру. По критерию доминирования одной из трех компонент можно выделять три вида протеста: 1) эмотивный протест, выража-

емый в состояниях тревожности, беспокойства, фрустрации; 2) когнитивный протест, выражаемый в протестных требованиях, идеологических артикуляциях несогласия, сциентистских критических конструктах; 3) конативный (акционистский) протест, выражаемый в протестных практиках разного типа, описываемых репертуаром протеста.

В данной области была разработана методология анализа репертуара протеста — акционистский событийный анализ, предметом которого являются как реальные коллективные действия, так и акции виртуальные, состоявшиеся только в информационном поле политики. В описании и анализе конкретной акции используются признаки, описывающие сложный дизайн протестной акции: от простых (дата, место, организатор, мишень протеста и др.) до сложных (дискурс требований, группы интересов, латентные конфликты, ресурсы и др.). Особое значение в исследовании репертуара протеста имеет различие «массовых беспорядков» (действий, нарушающих общественных порядок) и «социальной протеста», выражающего защиту интересов людей, находящихся в состоянии абсолютной и относительной депривации, ощущающих нарушение своих прав. Событийный анализ правомерно рассматривать в ряду других акционистских исследовательских техник и в целом акционистской методологии: «социологической интервенции» А. Турена, связанной с участием в подготовке политических решений и изменением практик гражданского действия; «наблюдающего участия», ориентированного, прежде всего, на исследования устойчивости или изменчивости нормативных основ социального порядка (Алексеев, 1997).

В целом проведенный анализ показывает богатство и сложность протестного репертуара, зависимость его динамики от многих факторов, его значение в поле политики. Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях, массивы информации хранятся в специальных базах данных протеста за 60-летний период новейшей истории некоторых европейских стран (Opp, 1989). Российский опыт протеста представлен, в частности, в информационной базе данных акций протеста по Ленинграду/Санкт-Петербургу в десятилетнем (1989-1998 гг.) цикле радикальных политических изменений. Проанализировано по специальной методике более 20 тысяч информационных сообщений, представляющих 9 тысяч акций протеста (Костюшев, 1999, 2011). Полученные данные позволяют определять тенденции изменений в потенциале, дискурсе и репертуаре протеста в разных социальных группах (воспроизводство потенциала протеста, радикализация протестного дискурса и репертуара и др.), предполагать стратегии протеста в контексте структуры возможностей и состояний культуры.

Ситуационный анализ также недостаточно известен и разработан в российской социологии. Формальная теоретическая модель и в целом методология ситуационного анализа был предложена А. Кларк (Clark, 2003), в рамках которой рассматриваются «карты ситуаций» и «карты позиционирования» акторов поля политики. Вместе с тем эмпирический анализ «ситуаций» — социальных, производственных, политических и др. — успешно проводился российскими исследователями на конкретном материале, без использования термина «ситуационный анализ» (Алексеев, 1997). Под «ситуацией» в подобном анализе понимаются конкретно фиксируемые состояния внутри социального «события» — сочетания контекста и действий/взаимодействий участников. В рамках каждой отдельной «си-

туации» выделяются конкретные «эпизоды» — индивидуальные и коллективные действия участников ситуации. Социологическое описание и анализ социального события включает в себя изучение ряда ситуаций данного события, в рамках которых рассматриваются конкретные эпизоды данных ситуаций и социального события в целом. Можно сказать, «портрет» социального события представляет собой неслучайную мозаику эпизодов, составляющих различные состояния — ситуации данного события.

Предметом полевого исследования — в соответствии с данной методологической схемой — рассматривается «событие» — разгон шествия 1 мая 2019 года, в котором выделяется 20 «ситуаций» (от заявки на шествие до судебных процессов) и более 300 «эпизодов» (в каждой ситуации от 5 до 70 эпизодов). Из 300 известных эпизодов анализируются типичные для конкретных ситуаций и события в целом эпизоды (описано 80 эпизодов).

В общественном расследовании события были выделены следующие ситуации события, связанные с разгоном шествия 1 мая 2019 г.: 1) организация шествия: заявки лидеров разных общественных и политических организаций и движений, свидетельства согласования регламента шествия; 2) превентивные действия полиции накануне шествия: предостережения и задержания некоторых гражданских активистов — потенциальных участников шествия; 3) требования участников шествия, представленные на баннерах, плакатах, лозунгах; 4) цензура баннеров, плакатов, лозунгов, проведенная сотрудниками правоохранительных органов перед началом шествия; 5) нарушение регламента шествия: задержка движения одной из колонн шествия; 6) задержания во время сбора участников шествия, до начала движения колонн; 7) задержания при движении колонн по улицам города (Лиговский пр., Невский пр.) и разгоне шествия на Невском пр.; 8) заявление со стороны представителей администрации и полиции СПб о «несанкционированном митинге» во время «согласованного шествия», ставшее поводом для задержаний и последующих судебных решений; 9) остановка движения третьей колонны на Невском проспекте; 10) попытки переговоров организаторов шествия с представителями администрации и полиции СПб; 11) разгон шествия; 12) доставка задержанных участников шествия в отделы полиции; 13) содержание задержанных в отделах полиции, составление протоколов о задержании и административном нарушении; 14) судебные процессы: отказ судей от опроса свидетелей, просмотра видеодокументов, неправовые обвинительные решения; 15) судебные процессы: отказ судей в рассмотрении дел об административных нарушениях в связи с отсутствием нарушений; 16) апелляции задержанных на судебные решения в вышестоящие органы; 17) отклики институтов власти на разгон шествия и задержания; 18) отклики российской и международной общественности на разгон шествия; 19) протестные акции участников шествия 1 мая после 1 мая 2019 г.; 20) преследования участников шествия и в целом событий 1 мая после 1 мая 2019 г. Важна также ситуация рассмотрения судебных исков общественности к администрации и правоохранительным органам Санкт-Петербурга.

В рамках каждой ситуации анализируются конкретные эпизоды, связанные с действиями и взаимодействиями акторов ситуации. Так, например, в ситуациях «Разгон шествия», «Сбор участников шествия» и других описываются конкретные эпизоды задержаний

участников шествия: из разных источников известно, что было задержано до 70 человек — гражданских активистов и участников шествия, в исследовании описано — на основании интервью с активистами и гражданами, анализа документов, фото— и видеоматериалов — 30 таких эпизодов, в ситуации «Превентивные действия накануне шествия» описывается 8 эпизодов, в ситуации «Судебные процессы» — 53 «эпизода» судебных процессов и т.д.

Методы полевого исследования

Используются различные методы и техники сбора и анализа информации с учетом дополнительности и комплиментарности методов: примером подобного комплексного исследования, в котором было проведено сопряжение многих методических приемов и техник сбора и анализа социологической информации, является исследовательский проект «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» (Ядов, 1979).

В исследовании использованы методы: 1) интервью; 2) фокус-группа с участниками и организаторами шествия; 3) анализ документов, связанных с подготовкой и проведением шествия; 4) анализ фото/видеодокументов цензуры плакатов перед началом шествия, самого шествия, его разгона, судебных процессов; 5) дискурсивный анализ требований участников, представленный в плакатах, баннерах, лозунгах, а также откликов представителей институтов власти и общественности; 6) хронометрический анализ движения колонн во взаимодействии с органами правопорядка; 7) наблюдение переговоров организаторов шествия с представителями власти, а также последующих судебных процессов над организаторам и участниками шествия, включая процессы с отказом в рассмотрении дел в связи с отсутствием состава нарушения; 8) анализ интернет-материалов (мнения участников, организаторов, свидетелей); (9) экспертные опросы. Проводился сбор информации, сопряженной с политическими и правовыми вопросами.

Интервью включало вопросы по следующим основным темам события: 1) Опишите ситуацию, место и время Вашего задержания на шествии? 2) Опишите действия полиции при Вашем задержании. Опишите Ваши действия и реплики? 3) Опишите действия полиции по доставлению Вас в отделение полиции? 4) Была ли Вам понятна ситуация и причины Вашего задержания? 5) Как составлялся протокол задержания? Насколько точно в протоколе описана ситуация задержания? 6) Опишите условия содержания в отделении полиции (время содержания, питье, питание, количество и действия других задержанных в отделении полиции и др.)? 7) Досматривались ли до начала шествия плакаты? Происходило ли изъятие плакатов? Если да, на каком основании? 8) Обращались ли к Вам представители власти после шествия? 9) Привлекались ли Вы к судебному рассмотрению по поводу задержания? Если да, то в каком суде? 10) Известны ли Вам фото — и видеоматериалы, свидетельства в соц. сетях и СМИ именно Вашего задержания? 11) Как Вы думаете, что послужило непосредственным поводом для Вашего задержания? 12) Принимали Вы участие в протестных действиях прежде? 13) Повлияло ли задержание на Вашу личную жизнь, работу, семью, отношения с людьми? Каковы последствия задержания лично для Вас? 14) Как изменилось Ваше отношение к участию в акциях протеста после задержания? 15-19) Пол, возраст, образование, проживание в СПб, дата. На фокус-груп-

пе обсуждались близкие темы и вопросы, связанные с пониманием участниками шествия основных ситуаций и эпизодов разгона шествия 1 мая 2019 года.

Ситуации события разгона шествия: свидетельства и описание

В расследовании представлено описание 20 выделенных ситуаций разгона шествия 1 мая — от превентивных действий полиции по задержанию возможных участников шествия и согласования шествия с администрацией города — до задержаний участников полицией и судебных процессов (описано 80 эпизодов события из известных около 300 эпизодов). Описание эпизодов проводилось по материалам интервью и документальных свидетельств (протоколов задержания, судебных решений и апелляций и др.) участников шествия, а также по материалам обсуждения на фокус-группе, анализа фото/видеодокументов. Было опрошено 50 участников шествия, в докладе представлено 30 завершённых интервью, из них 28 интервью с задержанными участниками шествия (всего задержано около 70 чел). Представим свидетельства типичных эпизодов одной из ситуаций, а именно ситуации «Задержание участников шествия».

Эпизод: участник шествия с флагом партии «Яблоко» задержан на тротуаре вне колонны.

Стоял прямо за растяжкой, так и дошёл до Невского, 89. Про наш город и «мы здесь власть» не кричали, у нас лозунги про выборы были. Где-то на половине пути мне передали флаг «Яблока». Ещё был маленький радужный флажок, но в суматохе потерял его. На Невском (...) нас вытеснили почти на тротуар. И там же задержали. (...) На самом деле, страшно было. (Мужчина, 18 лет).

Эпизод: участник шествия задержан при оказании помощи упавшей женщине.

Находился в середине Невского проспекта, увидел, как женщину тащат по асфальту росгвардейцы. Я вмешался, взял за руку женщину и прикрыл её собой, за что впоследствии был задержан. (...) После того, как я закрыл собой женщину, отмечу, что росгвардейца я не трогал, получил приличный удар сверху рукой по голове, от удара упали очки, после началась кутерьма, меня опрокинули на асфальт (...). Один схватил за шею, другой за руку, третий (...) ударил меня дубинкой по ноге. После этого они меня потащили в автозак, ударивший меня весь путь мне угрожал: «Я тебя отпи#жу, тебе пи#дец», на что я ему ответил «Попробуй» и «Ты чего женщину бьешь»? Грубовато затолкали в автозак, там обыскали и забрали ключи. Отмечу, что никто из росгвардейцев не представился, не пояснил, за что меня задерживает. (Мужчина, 36 лет).

Эпизод: участник задержан при сидении на проспекте в знак протеста против задержаний.

Во время шествия сотрудники правоохранительных органов (ОМОН, Росгвардия) начали разбивать нашу колонну. По левую руку от меня находилась (...), которую вышеупомянутые сотрудники снесли с ног, после чего она упала на асфальт. Как только я помог ей подняться, я увидел, что я и небольшая группа людей была окружена всё теми же сотрудниками. Понимая, что покинуть этот «порочный круг» нам не удастся, мы решили, что правильнее всего будет сесть на асфальт, дабы продемонстрировать наши мирные намерения и то, что никакого сопротивления мы оказывать не будем. Мы все сели, взялись за руки, и нас по одному начали выдёргивать и силой закидывать нас в автозаки. (...) Спецсредств к счастью ко

мне применять не стали, т.к. ни малейшего сопротивления я не оказывал. По поводу моих действий и реплик: я неоднократно просил сотрудников полиции представиться, зачитать мои права и объяснить причину задержания, но мои попытки не увенчались успехом, т.к. все мои требования были проигнорированы. (Мужчина, 22 года).

Эпизод: участник шествия задержан с баннером.

Несли баннер-растяжку с надписью «Путин не везен». В это время неожиданно, сзади и сбоку к нам подошли около 6-8 сотрудников полиции или ОМОН, в экипировке, в шлемах с закрытыми лицами, схватили нас и потащили (Мужчина, 39 лет).

Эпизод: журналист задержан при нахождении рядом с шеренгой полицейских без повода.

Между колонной объединённых демократов и автотозаком, куда наковали активистов, стояла шеренга силовиков. Когда я к ней приблизился, меня сбил с ног один из росгвардейцев. Когда поднялся и пришел в себя — решил поинтересоваться у силовиков, почему они так поступают, почему мешают работать журналистам и почему на согласованной акции задерживают людей. (...) Меня росгвардейцы опять валят с ног. Когда встал во второй раз, слышу что-то вроде «Давай и этого забирай», после чего и меня поволокли в автозак. (Мужчина, 19 лет).

Эпизод: участник шествия задержан с баннером.

Это была последняя точка шествия. В это время люди уже сидели на асфальте и производилось массовое задержание. По краям проезжей части Невского проспекта побежали цепочки силовиков в коричневом камуфляже, а в середине колонны демонстрантов работали «космонавты». Под ногами валялся большой синий баннер, который тщательно топтали силовики. Кто-то крикнул «...поднимем плакат!» (какой-то женский голос). Мы с женой подняли часть, находящуюся перед нами. Общими усилиями плакат растянули. Кто-то крикнул «Идем вперед» и мы двинулись прямо на «космонавтов». Они ринулись на нас, путаясь и спотыкаясь в баннере. Меня вытащили из-за баннера и потащили в автозак. Тащили, против моего ожидания, достаточно аккуратно. С левой руки явно слабее, чем справа. Похоже, это была женщина. Говорить с силовиками я смысла не видел. Сопротивления не оказывал. (...) Но мое героическое расположение побавилось, когда я услышал, как передо мной били задерживаемого. Его наклонили лицом почти до асфальта, и какой-то нелюдь так смачно его бил по лицу (либо ладонью, либо тыльной стороной ладони), что это меня сильно насторожило. Потом его бросили прямо на ступеньки автозака. Я был следующий. Мысленно я готовился к такой же ситуации (Мужчина, 62 года).

Эпизод: участник шествия задержан без повода во время видеосъемки шествия.

Полицейские в мегафон говорили «Продолжаем движение», но это было заведомо невыполнимое требование, так как путь колонне был перекрыт. Я снимал видео, один, впереди колонны (...). Попросили пройти, я спросил, «А на каком основании?», ответа не получил. Меня повели. Я продолжал просить их предстать, назвать должность и основания для задержания, ответ не давали, хотя я напомнил полицейским, что это их обязанность. При заведении в автозак мне пытались сделать болевой приём на руку, хотя я ни разу не сопротивлялся. (Мужчина, 48 лет).

Эпизод: участник шествия задержан с баннером.

Вокруг творился какой-то ужас. ОМОН в полной экипировке с самого начала окружил плотным кольцом

нашу колонну, выдёргивал людей из колонны, хватал организаторов, барабаничников, людей с мегафонами, всячески провоцировал мирных людей. В момент моего задержания, нас, несколько человек держали баннер «Петербург против Едра» Вокруг были одни ОМО-Новицы. Остальных похватали и разогнали по обочинам. (...) Держал баннер, подкрались сзади, ловко скрутили руки за спиной, повели в машину. Ничего не говорили. Я тоже ничего не успел сказать. Да и не мог. Во время препровождения думал только о том, чтобы очки не свалились. (Мужчина, 47 лет).

Эпизод: участник шествия задержан с баннером.

Я находилась в числе прочих участников согласованного шествия, вокруг меня проходили жесткие и неправомерные задержания других участников. Вместе с другими участниками подняла с асфальта плакат «Питер против Едра», и в этот момент была задержана. Ко мне подошел сотрудник полиции, не имеющий опознавательных знаков, не представившийся, чье лицо было закрыто пластиковым забралом от шлема. Он взял меня за руку, вырвал плакат, и сказал, что я задержана. Я спросила — за что? Но ответа не получила. Я не сопротивлялась и прошла с сотрудником полиции к автозаку. (Женщина, 51 год)

Эпизод: участник шествия задержан с баннером.

Я увидел валяющийся баннер на асфальте, с которым шел «Петербург против Едра». Рядом стояла (...) и еще 2-3 человека, вместе они пытались его поднять и расправить. Я подошел к ним, и мы все вместе его подняли, расправили и прошли по Невскому пр. Сделали около 5-10 шагов, и нас всех задержали. Полицейские ничего не говорили, не представлялись. Они схватили меня с двух сторон, я подумал, что сейчас будут бить дубинками. Обездвижив и подняв на руки, они перевернули меня вниз головой и в такой позе понесли до автозака. Перед лицом мелькал асфальт. Я несколько раз сказал им, что не сопротивляюсь, так как боялся, что сейчас на скорости разобьют мне всё лицо об асфальт. Во время доставления меня до автозака, они несколько раз ударили меня макушкой головы о каких-то людей, используя фактически как таран (Мужчина, 35 лет).

Эпизод: участник задержан при сидении на проспекте в знак протеста против задержаний.

Задерживали меня сразу после основного разгона шествия. Нашу колонну разбили, и в итоге сотрудники оказались с 2-х сторон, а небольшая группа активистов осталась посередине, и я вместе с ними. Бежать уже было некуда, и мы решили присесть на асфальт, дабы показать правоохранителям, что мы не являемся источниками угрозы. (...) Я сидел рядом с оставшимися активистами, и сотрудники омона начали выдёргивать всех по одному. Пока я смотрел, как задерживают моих друзей, почувствовал, что меня подняли. Оказавшись в воздухе, я попытался оценить обстановку и заметил, что несут меня не менее 2-х сотрудников, и точно один схватил сильно меня за руки, а другой за ноги. Я не сопротивлялся, так как видел, как в 2-х метрах от меня женщину тащат по асфальту, а какого-то парня бьют по ногам дубинкой. В какой-то момент, пока меня несли, один из активистов решил меня вытащить. Он пытался препятствовать моему задержанию, и из-за этого меня уронили на землю. Один сотрудник начал меня поднимать, а другой занялся тем, что пытался меня освободить. Оставшийся сотрудник схватил меня за руку и под шею и спросил, пойду ли я не сопротивляясь? (...) Возле автозака я видел, как некоторых активистов буквально за-

кидывают внутрь, а возле машины лежал пожилой мужчина без чувств. Далее меня завели в автозак и обыскали на наличие запрещенных и опасных предметов. Ни в момент задержания, ни в момент загрузки в автозак, никто не говорил мне, за что я задержан и не зачитывал мне мои права. (Мужчина, 23 года).

Эпизод: участница задержана после падения на Невском проспекте (с переломом руки).

На меня напали, толкнули и применили ко мне физическую силу неуставленные сотрудники полиции (...). Я упала (...). Меня молча схватили под руки и отвели в автозак, сопротивления не оказывала. При задержании спрашивала: «на основании чего я задержана?». От сотрудников полиции ответа не было. (...) В отделе мне вызвали скорую помощь, и врачи сразу диагностировали перелом и говорили, что мне нужно в больницу. В отделе полиции долго не могли выделить мне конвой. Медицинскую помощь мне оказали в больнице. (Женщина, 38 лет).

Эпизод: журналист задержан при обращении к полиции по поводу других задержаний.

С приближением группы ОМОНа (...) толкнул меня ногой под ноги группе захвата. Когда я упал, и меня начали толкать и пинать омовцы, я выразил достаточно громкий протест и начал задавать вопросы одному из сотрудников полиции с погонами не младших чинов. В ответ я услышал только «Да че он орет, пакуйте его!», и в этот момент меня стали задерживать сотрудники омона, не забывая меня бить в ребра, чтобы я не сопротивлялся и крепко сжимая мне руки (потом остались кровоподтеки). (...) Задерживали достаточно жестко и протащили по асфальту, у меня была ободрана левая рука до крови, и в условиях автозака я сам себе промывал раны, потому что скорая ехать отказывалась, говорили, вызовут в отдел, сотрудники полиции на контакт не шли. Полиция и омон очень жестко задерживали, и они прекрасно понимали, что я журналист. Протащили по асфальту, били по ребрам и затылку, крепко выламывали руки и сжимали до кровоподтеков. (Мужчина, 23 года).

Эпизод: участник шествия задержан с плакатом в руках.

Когда шел с плакатом по Невскому проспекту, вокруг начались задержания протестующих. Ко мне подошли товарищи в форме, похожей на полицейскую, не представились — в шлемах, в забралах, и сказали убрать плакаты и пройти с ними в машину, на что я запротестовал: сказал, что шествие согласовано, и я гражданин России, и никуда идти с ними не собираюсь, за что меня стали хватать за руки товарищи, я как бы сопротивлялся, спросил: вы что, побороться хотите, могу побороться... И он так даже согласился радостно. Я стал упираться, они на мне нависли кучкой. Я чуть поспроотивлялся в меру, никого не ударив, но, в конце концов, у меня вырвали плакат, и я не стал дальше сопротивляться... И меня повели в автозак. Я немножко поупирался. Но ноги скользили по асфальту — особенно не поупираешься. Потом, когда меня довели к автомашине, я там решил упереться, чтобы не попасть в автозак. Они начали меня бить по рукам, и несколько раз ударили по ахиллесовым сухожилиям ногой. И было очень больно, и я разрешил себя туда сопроводить, пошел в автозак, и был самым первым в этом автозаке. Хочу сказать, что ахиллесовы сухожилия у меня болели очень долго, левое быстро прошло, правое долго болело, около трех недель, добирался до туалета, хромяя. Нигде не обследовался, вроде неудобно — мужчина же, сам хотел упереться. (Мужчина, 51 год).

Эпизод: организатор шествия задержан во время переговоров с офицером полиции.

Задержание произошло во время общения с сотрудником полиции, который, судя по внешнему виду (без шлема) и нахождению на проезжей части, отдавал указания для задержания участников согласованного публичного мероприятия. Я обращался к сотруднику как один из организаторов согласованного публичного мероприятия вместе с другим организатором (...) с вопросами о причинах задержания участников мероприятия. Это произошло на проезжей части Невского проспекта, как мне кажется, около 13.30. Проезжая часть была оцеплена для проведения публичного мероприятия. Во время разговора с сотрудниками полиции ко мне сбоку подскочил сотрудник правоохранительных органов, который, совершив захват шеи, с силой повалил меня на асфальт, после чего стал тянуть за левую руку, чтобы я, видимо, встал. В этот момент подскочили другие сотрудники правоохранительных органов, которые также склонились надо мной, размахивая, насколько я помню, дубинками. Сотрудниками были в шлемах, поэтому лиц я не видел. Никто не говорил, что я сделал, почему меня повалили на асфальт и куда меня тянут. Так как тянули меня за левую руку, то, видимо, я, лёжа на асфальте, повернулся на правый бок. В какой-то момент сотрудники полиции взяли меня за руки и за ноги и понесли в автобус. (Мужчина, 37 лет).

Эпизод: участник шествия задержан рядом с группой других участников с баннером.

Я был задержан около 12:00 на Лиговском проспекте (...). Причиной задержания, как я понял позднее, стало то, что я шел близко с тремя людьми (они были задержаны вместе со мной) — и эти граждане несли плакат «Путин НЕ вечен». Это стало причиной нашего задержания — а формально объявленной причиной — идиотское мнение, что мы якобы организовали какой-то мифический несанкционированный митинг внутри разрешенного шествия. Эта формула была затем записана и в протоколе задержания и в решении суда присудившего мне штраф. (Мужчина, 56 лет).

Эпизод: участник шествия без плаката задержан рядом с другими участниками шествия.

Началась зачистка Невского от протестующих, колонны «космонавтов» вклинивались в протестующих, уволакивая с собой тех, кто не бросал наглядную агитацию. Я находился в тот момент на проезжей части Невского впереди всех растяжек, не держа в руках никаких плакатов, и когда мимо меня повели уже последних задержанных в автозаки, некий майор полиции обратился к двум гвардейцам, шедшим после нас «с пустыми руками» со словами: «Берите этого», что они и сделали. Позже отдавшего распоряжение о моем задержании майора я опознал по фотографии начала шествия, где этот майор тесно соседствовал со мной в начале движения колонны. Полицейские взяли под руки и повели. Я не оказывал сопротивления, и, более того, от растерянности не заинтересовался ни именами задерживающих меня сотрудников не пойми каких подразделений, ни причинами моего задержания. (Мужчина, 41 год).

Представленные эпизоды свидетельствуют, что задержания участников шествия 1 мая проводились полицейскими по надуманным искусственным поводам или вообще без повода: задерживались те, кто стоял на тротуаре рядом с Невским проспектом за пределами шествия и те, кто шел рядом с колонной без плакатов;

многие задерживались за то, что держали плакаты с критикой врио губернатора или партии «Единая Россия», другие держали баннеры-«растяжки» с протестными лозунгами против региональной и федеральной власти; задерживались мужчины, пытавшиеся помочь упавшим женщинам, и упавшие в результате давления толпы женщины, некоторые гражданские активисты задерживались задолго до начала шествия (утром, когда выходили из дома), другие еще при сборе участников шествия на Лиговском проспекте. Молодые и пожилые, в нашей выборке — от 18 до 62 лет.

Существенно, что во всех свидетельствах нет случаев сопротивления полиции при задержании (не было свидетельств сопротивления и во всех других известных нам журналистских и аналитических обзорах шествия). Во всех эпизодах задержаний полицейские не объясняли участникам шествия причины задержаний, а также не имели знаков опознавания и принадлежности к подразделению того или другого силового ведомства (ОМОН, Росгвардия), вследствие чего люди не понимали, кто и по какой причине их задерживает. Полицейские использовали при задержаниях ненормативную лексику, проявляли грубость и жестокость по отношению к участникам шествия. Подобным образом описаны и другие выделенные в исследовании ситуации разгона.

Выводы расследования и предположения исследования

В качестве результатов социологического исследования разгона шествия можно принимать концептуализацию самого события в категориях «событие — ситуации — эпизоды», так и верификацию данных конструкций в показателях напряженности поля политики, разработку методического арсенала полевого монографического исследования события в политической жизни с взаимной дополнительностью и комплиментарностью методов в полевом исследовании. Одним из описательных результатов исследования события является монографическое описание выделенных ситуаций и конкретных эпизодов разгона шествия в контексте городского поля политики, его эмотивной, когнитивной и конативной напряженности, заданной структуры политических возможностей. Описаны ситуации «согласования публичного мероприятия», «превентивных действий полиции», «цензуры плакатов», «задержки колонны», «задержаний участников до начала шествия», «задержаний участников во время шествия», «силового разгона шествия» и последующих — до «судебных процессов». Эти данные представлены в докладе по общественному расследованию. Теоретическая и методическая работа в данном направлении продолжается с целью более строгой верификации основных концептов поля политики — эмотивных, когнитивных, конативных — на примере одного из важных — аномальных — событий в политической жизни города.

Основные теоретические результаты исследования события и ситуаций 1 мая 2019 года — в контексте других современных исследований в социологии и политологии — сводимы к подтверждению теоретических предположений по поводу динамики и тенденций социального и политического протеста в современном российском обществе, что были сформулированы во время массовых протестов в России 2011 года (Костюшев, 2011). Эти предположения 2011 года, как можно констатировать в 2019 г., достаточно точно и строго описывали взаимодействия протестных групп и власт-

ных институтов и могут, по нашему мнению, приниматься в качестве рабочих гипотез и в настоящее время.

Можно предполагать, что состояния протеста, его эмотивных, когнитивных и конативных признаков, и взаимодействия протестных групп и властных институтов в поле политики современного российского общества имеют следующие основные характеристики:

1) усиливается относительная депривация различных социальных групп, что приводит к устойчивым состояниям социального беспокойства, тревожности, недовольства — растет потенциал протеста, прежде всего в группах с высоким уровнем относительной депривации, сопряженной с политизацией социального недовольства; однако основной тенденцией остается не рост потенциала протеста, а радикализация протестных практик;

2) обозначаются ценностные рассогласования между различными социальными группами в российском обществе, в первую очередь между поколениями, в частности, между нынешним «поколением власти» и молодым поколением, обладающим более высоким культурным капиталом, но также между ценностно некомплементарными группами в молодежной среде с перспективой формирования ценностных конфликтов, которые могут стать основанием протестного потенциала и практик протеста на долгосрочную перспективу; обозначаются устойчивые стратегии конвертации ценностных рассогласований и конфликтов из поля культуры в поле экономики и политики, в частности, каналы рекрутирования во властные институты и протестные сообщества;

3) усиливаются силовые практики в государственной политике, в том числе неправовые неконвенциональные практики, сопряженные, с одной стороны, с имитацией правовой легитимности и, с другой стороны, широкой общественной поддержкой; в репертуаре практик властных институтов по отношению к протестным группам из возможных вариантов реагирования власти на социальный протест (игнорирование, репрессии, переговоры, защиты) доминируют практики игнорирования и репрессий, в секторе трудовых отношений частично представлена практика переговоров и компромиссов, в секторе социальной политики частично представлены практики защиты;

4) качественно изменяется структура политических возможностей (доминирование силовых практик, радикализация протеста, потенциальный раскол властных групп, имитация легитимности, общественная поддержка силовых практик), что существенно меняет репертуар и динамику гражданского позиционирования и социального согласия и протеста, а именно: усиление силового радикализма государственных институтов по отношению к обществу в форме усиления неправовых силовых практик вызывает в качестве ответной реакции радикализм общественных групп, в том числе протестный радикализм, что приводит к еще большему радикализму государственных институтов;

5) сценарии изменений российского поля политики становятся более определенными и дихотомичными: от сценария расширения силовых неправовых практик властных институтов с радикализацией и элиминацией протеста до альтернативного и менее вероятного сценария, сводимого к изменению властных институтов в сторону институциональной модернизации и развития правовой культуры (Там же, с. 155).

Теоретическим дополнением к пониманию тенденций социального и политического протеста может

быть также предположение о сопряженности и рассогласовании «триады протеста» — эмотивного недовольства, когнитивного несогласия и протестного действия. Массовое общественное недовольство на эмоциональном уровне диверсифицируется в различных групповых состояниях когнитивного несогласия — по разным поводам и по отношению к разным «мишеням» несогласия (конкретные политики, политические решения, региональные политические режимы, политический режим в целом), на конативном уровне протестное действие расщепляется и в значительной степени элиминируется в инерционном и неразвитом репертуаре коллективных действий.

Рассогласование элементов «триады протеста» может предопределяться, с одной стороны, сохраняющейся структурной неопределенностью в экономическом и политическом состоянии общества и государства и, с другой стороны, усилением дихотомичности отношений общественности и властных институтов, в целом сложившего в современной России политического режима «недостойного правления» (Гельман, 2018). В понимании же политических обстоятельств события разгона шествия 1 мая 2019 года важным выводом является предположение о политической аномалии — неправовом силовом разгоне согласованного с властными институтами города шествия. Данный прецедент можно рассматривать как проекцию политического режима «недостойного правления» на региональные властные группы и практики политического управления в регионе.

Результатом собственно общественного расследования события являются выводы, во-первых, по поводу политической культуры участников шествия 1 мая 2019 года, и, во-вторых, политических обстоятельств и причин разгона шествия 1 мая 2019, связанные с политической ситуацией накануне выборов губернатора СПб, а именно: 1) организаторы и участники шествия 1 мая 2019 года в СПб показали при подготовке и проведении первомайского шествия высокую гражданскую и политическую культуру, свойственную общественности города; 2) многие участники шествия были незаконно задержаны, шествие разогнано органами правопорядка силовыми методами по распоряжению представителей администрации; 3) ответственность за разгон шествия и задержания участников шествия несут представители администрации СПб и лично врио губернатора города А.Д. Беглов; 4) ответственность за превышение должностных полномочий и неспособность обеспечения безопасности граждан на шествии 1 мая несут представители правоохранительных органов.

Были также сформулированы предложения институтам законодательной, исполнительной и судебной власти, связанные с организацией и проведением публичных мероприятий и обеспечением безопасности граждан на публичных мероприятиях: 1) рекомендовать Законодательному собранию СПб изменить законодательные акты города в области организации и проведения публичных мероприятий для обеспечения безопасности граждан, провести публичные слушания результатов общественного расследования; 2) рекомендовать Федеральным органам власти РФ рассмотреть вопрос о профессиональной компетенции руководителей СПб в работе с населением, организацией и проведением публичных мероприятий; 3) рекомендовать руководству МВД рассмотреть вопрос о квалификации руководителей ГУВД, провести служебное расследование по поводу превышения должностных полномочий

в действиях представителей правоохранительных органов; 4) просить высшие судебные инстанции рассмотреть неправовые решения многих районных судов и городского суда СПб по отношению к участникам шествия 1 мая, рассмотреть вопрос о квалификации судей, вынесших неправовые решения.

Общественное расследование события разгона шествия 1 мая продолжается в связи с незавершенностью самого события — продолжением судебных процессов по поводу административных нарушений на шествии: обнаруживаются и вводятся в научный оборот новые обстоятельства события, отдельных ситуаций и конкретных эпизодов. Например, в настоящее время продолжается судебный процесс по рассмотрению иска организаторов шествия к администрации и органам правопорядка СПб в Смольнинском районном суде, на котором Уполномоченным по правам человека в СПб анализировалась незаконность ситуаций «задержки» и «разгона» шествия, констатировался «фактический разгон участников согласованных мирных шествий осуществлялся в нарушение требований, установленных положениями статьи 17 Федерального закона № 54-ФЗ» (Выступление Уполномоченного, 2019). Сервильность врио губернатора и администрации СПб по отношению к федеральному руководству страны и лично президенту РФ накануне выборов губернатора 8 сентября 2019 года, а также понимание возможности отстранения от должности руководителя города по критерию «доверия населения к власти» (по Указу Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», принятому накануне, 25 апреля 2019, указ № 193) — привела к незаконному решению о разгоне одной из колонн на шествии 1 мая 2019 года. Учитывая, что полицейские (ГУВД СПб и Ленобласти) и чиновники администрации (Комитет по законности и правопорядку администрации СПб) официально отказались признать ответственность за решение о «прекращении» шествия, остается предположить, что только один человек в городе — врио губернатора — мог отдать устное распоряжение о разгоне с примитивным мотивом сохранения должности. Разумно предполагать, что решение могло согласовываться, учитывая субординацию и осторожность врио, с администрацией президента РФ.

На одном из видео разгона шествия офицер полиции обращается к представителю комитета по законности и правопорядку СПб: «Ну, что, пора разогнать?». В 1886 году на известном митинге в Чикаго полицейский офицер не спрашивал: «Я приказываю закрыть митинг, приказываю разогнать его» (Первое мая в документах, 1989, с. 15), но формат реплики в виде вопроса говорит о том, что решение принималось извне ситуации разгона. Действие (или бездействие) врио губернатора при разгоне шествия лежит в области его персональной ответственности за безопасность публичного мероприятия. Пострадали же вследствие незаконного и меркантильного решения сотни горожан — физические травмы известны, моральные травмы неисчислимы. Информация, собранная в общественном расследовании, говорит в пользу данной версии разгона шествия 1 мая 2019 года в СПб.

Расследование получило освещение в прессе, социальных сетях и политические отклики: 17 октября 2019 года состоялось обсуждение доклада и в целом

разгона шествия и незаконных действий силовых ведомств СПб на выездной — в Санкт-Петербурге — сессии Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ с участием известных правозащитников — членов Совета М. Федотова, Н. Сванидзе, кинорежисера А. Сокурова и других, Уполномоченного по правам человека в СПб А. Шишлова, а также представителей администрации города (вице-губернатора СПб и других чиновников) и руководителей силовых ведомств (начальник Росгвардии СПб и др.). Участвовали в обсуждении депутаты ЗакСа и представители политических движений. При обсуждении разгона шествия руководители силовых ведомств не признали в своих действиях нарушений прав человек, заместитель прокурора города не увидел оснований для прокурорского расследования. Встреча завершилась предложением — со стороны правозащитников — конкретных рекомендаций по организации публичных мероприятий в городе. В день обсуждения стало известно, что решением президента РФ из Совета по развитию гражданского общества и правам человека были выведены председатель Совета М. Федотов и некоторые другие правозащитники (Никитинский, 2019). Расследование разгона 1 мая 2019 года и социологические исследования события и ситуаций разгона будут, конечно, продолжены — вместе с продолжением судебных процессов. Можно предполагать, что социологическая методология и опыт общественного расследования могут быть полезными исследователям в области социологии протеста, а также для правозащитной деятельности в современном российском обществе.

Литература

- Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). — СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1997. — 76 с.
- Болтынский Л. Тайны и заговоры. По следам расследований / Науч. ред. О. Хархордин. — СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. — 502 с.
- Бурдые П. Социология социального пространства / Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Алетей, Институт экспериментальной социологии, 2007. — 288 с.
- Выступление Уполномоченного по правам человека в СПб А.В. Шишлова на судебном заседании по иску о признании незаконными действий (бездействия) Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности СПб и ГУ МВД России по СПб и Ленинградской области по прекращению согласованного шествия 1 мая 2019 года. http://ombudsmanspb.ru/files/0002019/09102019_sud_upol_nomoch/09102019_AVs_sud_vyst.pdf?fbclid=IwAR27FPsFi0EoWt7ngfCxRM9OZNTkmQSt8f5drfnKcMldK02AqnM0tnQTNAU
- Гельман В.Я. Выборы 1990 г. в Ленинграде: пиррова победа демократии // Социология общественных движений: эмпирические исследования 1989-1992. Часть 2 / Под ред. В.В. Коспюшева. — М.: ИС РАН, 1992. — С. 182-214.
- Гельман В.Я. Недостойное правление: политика в современной России. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 254 с.
- Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. — М.: Русина, 1994. — 429 с.
- Доклад Комиссии «Круглого стола 12 декабря» по общественному расследованию событий 6 мая 2012 г. на Болотной площади <https://imed3.livejournal.com/590693.html>

- Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге Шишлова Александра Владимировича в Законодательном собрании Санкт-Петербурга 22 мая 2019 года http://ombudsmanspb.ru/files/0002019/22052019_Specdoklad_UPCH_ZAKS/22.05.2019_UPCH_Vystuplenie_ZS5.pdf
- Ерпылева С., Магун А., ред. Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011-2013 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с.
- Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — СПб.: Наука, 1993. — 171 с.
- Здравомыслова Е.А. Социология общественных движений — становление нового исследовательского направления // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. — С.545-568.
- Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989-1998 годы). — Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998. — 270 с.
- Карпенко М. Невский превратили в Болотную. Власть и оппозиция в Петербурге обвиняют друг друга в провокациях на Первомае // Новая газета. 2019. 5 мая. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/05/80436-pervomay>
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. — М.: Три квадрата, 2010. — 688 с.
- Корнев Н.Р. Ленинградский народный фронт: логика postfactum // Социология общественных движений: эмпирические исследования 1989-1992. Часть 2 / Под ред. В.В. Костошева. — М.: ИС РАН, 1992. — С.154-182.
- Костошев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию / Под ред. В.В. Костошева. — М.: ИС РАН, 1999. С.144-177.
- Костошев В.В. Институт омбудсмена и права человека в региональном поле политики (социологическое понимание). — СПб.: ГУ ВШЭ СПб, изд-во «Норма», 2007. -160 с.
- Костошев В.В. Как разгоняли Марш Несогласных 15 апреля 2007 // Cogita.ru, 2010, 17 июня. <http://www.cogita.ru/kolonki/kolonki/vladimir-kostyushev/kak-razgonyali-marsh-nesoglasnyh-15-aprelya-2007>
- Костошев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Политические исследования, 2011, №4, с.144-157. <https://www.politstudies.ru/article/4446>
- Костошев В.В. Репертуар участия в политическом протесте (случай Марша миллионов, 15 сентября 2012 г., СПб) // Социальные приоритеты молодежной политики. — СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. — С.113-115.
- Костошев Владимир. Социология бедствия // Новая газета. — 2012, 17 (20) августа. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/17/51052-sotsiologiya-bedstviya>
- Костошев В.В., отв. ред. В защиту человеческого достоинства. Доклад по общественному расследованию разгона шествия 1 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге. — СПб.: Правозащитный совет СПб, изд-во «Норма», 2019. — 196 с.
- Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. — М., Владимир: АСТ, ВКТ, 2008. — 541 с.
- Никитинский Л. Прощальная гастроль СПЧ // Новая газета, 2019. — 21 октября, С.22.
- Отчет о наблюдении за шествиями и митингами 1 мая 2019 г. в Санкт-Петербурге. 2 мая 2019 г. http://ombudsmanspb.ru/otchet_o_nabljudenii_za_shestvijami_i_mitinyami_1
- Первое мая в документах и свидетельствах современников (1886-1918) / Отв. ред. М.А. Заборов. — М.: Наука, 1989. — 224 с.
- Предварительный отчет о массовых беспорядках, имевших место в Москве 1 мая 1993 года. 1993. <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/moscow93/may93.htm>
- Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение, 2018, Т.17, № 2. С. 317-341.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 328 с.
- Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение и позиционирование личности в современном обществе — СПб.: Алетейя, 2019 — 400 с. (в печати).
- Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Философско-литературный журнал «Логос», 2004, №5 (44). — С. 3-28.
- Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44185>
- Ядов В.А., отв. ред. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Л.: Наука, 1979. — 264 с.
- Clark A.E. Situational Analysis: Grounded Theory Mapping After the Postmodernism Turn. — Symbolic Interaction, vol. 26, №4.
- Della Porta D., Diani M. Social Movements: An Introduction. Oxford: Blackwell. 1999.
- McAdam D. Freedom Summer. Oxford: Oxford University Press. 1988. <https://archive.org/details/freedomsummer00mcad/page/n371>
- Opp K.-D. The Rationality of Political Protest. Boulder: Westview Press. 1989.